

18+

Ольста Баслер

спектр эмоций

Баслер
Ольста
Баслер

сборник рассказов

сборник рассказов

сборник рассказов

сборник рассказов

Ольста Баслер
Спектр эмоций

«Издательские решения»

Баслер О.

Спектр эмоций / О. Баслер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986187-0

Это моя первая книга. Я собрала в неё свои фельетоны, байки, отрывки из повестей, рассказы, миниатюры и крошечные стихи. И разместила их в особом порядке: так, чтобы был виден широкий спектр эмоций. Тут и радость, и гнев, печаль и страх, брезгливость, удивление, злорадство, тревога, изумление и даже безразличие. Читайте же, и вы испытаете самые разнообразные чувства.

ISBN 978-5-44-986187-0

© Баслер О.
© Издательские решения

Содержание

ВОЛНА	6
Разум	8
КОЗЛАЙТИНГ	9
Деревья	12
ОСКОЛКИ	13
Портрет	19
КАНИСТРА	20
Медведица	21
СОБАКА ЛИЗА	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Спектр эмоций

Ольста Баслер

Корректор Марианна Краминова

Оформление обложки Алексей Краминов

© Ольста Баслер, 2020

ISBN 978-5-4498-6187-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВОЛНА (рассказ)

В детстве все мечтали кто о чём. Я же мечтала о телеге с белой лошастью. Уж не знаю, откуда в моей головёнке родилась такая идея, но я вдруг захотела потихоньку ехать в дальние дали, пошевеливать вожжами и рассматривать стоящие вдоль дороги достопримечательности. Такое никогда не наскучит. Ведь, если надоест глазеть по сторонам, то всегда можно с задумчивым видом уставиться на помахивающий лошадиный хвост и сидеть себе в телеге, покачиваясь от пробегающих под колесами кочек. А то и вовсе отпустить поводья и полностью довериться самой доброй и умной придуманной лошади на свете, Волне! Как только она прибежала в мои фантазии, мы сразу же отправлялись в путь. И никакие трудности нас не пугали. Если припекло солнышко, то надевали панамки. Если шёл сильный дождик, то прятались под разлапистой елью и стояли, дыша полезным лесным воздухом. Вечерами оставляли телегу на дороге и бежали на речку купаться и громко фыркать. Потом Волна сияла в бликах луны и щипала сочную травку. А я сидела рядом, нюхала лесные фиалки и смотрела на яркие звезды. А утром мы ехали дальше и держали путь на необитаемый остров. Потому что на этом острове сидят кот и пёс. И только тем и занимаются, что вглядываются в даль, ожидая, когда это мы с Волной соизволим появиться на их горизонте. А заодно стерегут шалаш, в котором лежит настоящий топор, ножик и удочка.

Особенно часто я отправлялась в такие «путешествия» летом, на даче. Мне делалось тоскливо, когда вся местная ребятня разъезжалась по пионерским лагерям и оставалась только голопузая малышня. И тогда я звала свою Волну. Она прибежала и увозила меня в другой мир, из которого, однако, меня сразу же начинали бесцеремонно выдергивать. То на прополку клубники, то на чтение книги вслух, то на променад вдоль соседских участков с обязательным обсуждением цвета, красоты и строения домиков. Оно и понятно. Ведь ни бабушка, ни дедушка не могли увидеть ни моей телеги, ни моей лошади, ни моего путешествия. Со стороны им казалось, что бедный ребёнок просто сидит и смотрит в одну точку.

«Ах, если бы здесь был мой красный пластмассовый конь на колесах. Тот, который с колечком-пищалкой! Или хотя бы фанерная Утя, которую мне сделал дедуля, чтобы качаться. Я бы возилась с ними, и никто бы меня не трогал», – думала я с горечью. Но, увы, вспоминать об этом и не стоило. Как только я выросла из этих игрушек, их тут же отдали другим детям.

Так и продолжались эти мои мучения, пока одно событие не изменило всё в лучшую сторону. У дедушки, наконец-то, заработала изобретенная им система полива огородных грядок. Свободного времени стало побольше, и он начал делать гамак для красивого, комфортного отдыха. Работы шли примерно неделю. Когда все основные труды были закончены, дедушка увенчал своё детище основной деталью и позвал нас на открытие «культурного объекта». Бабушка как глянула, так всплеснула руками, рассмеялась в ладонь и ушла в дом. А я заверещала от радости! Потому что получилась телега моей мечты! Нет, ну конечно же, никто не планировал делать ничего подобного, это вышло совершенно случайно. Просто в нашей сарайке не нашлось изысканных материалов для чего-то чуть более утончённого, чем древняя повозка. Сооружение выглядело надёжным, как и задумывалось. Состояло оно из двух столбов, вкопанных в землю, с вершущек которых свисали крепкие собачьи поводки, удерживающие на весу грубое брезентовое полотно, распёртое вставленными в него дырками. Сердечко мое радостно запрыгало в груди от нетерпения. И как только дедушка зашел в дом, чтобы узнать точную причину бабушкиного веселья, я с восторженным визгом прыгнула в «телегу», подражая движениям главной героини из фильма «Кубанские казаки». Брезентуха перевернулась,

и я шлепнулась на землю. Бабуля с дедулей увидели, испугались, подбежали ко мне: «Наказание ты наше!» А я встала и громко запыхтела от боли. Впрочем, совсем скоро все успокоилось.

За чаем дедушка объявил, что нужно переделать конструкцию и убрать из полотна распорки. Вот тут-то я и заныла. Размазывая по щекам горячие слезы и всхлипывая, я начала доказывать, что если убрать палки, то это будет уже не телега, а тряпичный капкан, из которого ни в жизнь не выберешься, если в него попадешь! Мои рассуждения вызвали смешки и многочисленные вопросы. Пришлось рассказывать про Волну. К этому отнеслись серьёзно. Этим же вечером дедушка нашёл пару веревок и привязал их к одному из столбов.

На следующее утро я вышла из дома во двор в праздничном настроении. Осторожно села в «телегу», потянула за «вожжи», гамак качнулся, и мы «поехали»! От восторга я заорала изо всех сил:

– Но, но, Волна! Нас уже заждались! Давай, поворачивайся!...

Конечно же, я видела, что Волны нет. Но я была полностью уверена, что если орать погромче, она устыдится и обязательно прибежит.

Так продолжалось все оставшееся лето. Каждое утро, сразу после завтрака, я отправлялась в дорогу, громко совещаясь с лошастью, в какую сторону нам сегодня надо повернуть. Соседи по дачным участкам поглядывали на источник шума с нескрываемой ненавистью. А мне тогда казалось, что они просто завидовали маленькой шестилетней девочке, которая смогла запросто взять, да и уехать на ровном месте туда, куда хотела. Соседи злились, но молчали. Видимо, потому, что мой дедушка любил дарить им вкусный пчелиный мед.

Лето ушло. Пришла осень, а с ней и осознание того, что я не попала на свой остров. Потому что моя Волна так ко мне и не прибежала. Видимо, из-за того, что телега оказалась самодельным гамаком, а вожжи – простыми веревками. И как же горько я заплакала, когда узнала, что дача будет продана. Ведь там, на песчаном берегу, нас с Волной ждали, но так и не дождались кот и пёс! Наверное, скулили и мявкали, вглядываясь в даль и жалуясь друг другу на жизнь. А потом всё поняли. Чего-то засуетились, вроде бы как по хозяйству, да потихоньку и перестали упоминать про наше существование.

С тех пор прошло много лет. Я живу в домике, который в шутку называю кораблем. А мой сад – настоящий остров. Для того чтобы меня окружал «океан», я купила занавесочки с морскими рисунками и повесила их на окошки. Со мной живут три кота, пёс алабай и маленькая собачка. Есть настоящий топор, ножик и удочка. Есть и «телега». Но нет Волны. Наверное, ходит где-то там, по чужим дачам, ищет меня, глупая. Надо бы её позвать. Громко-громко! Чтобы услышала и прискакала. Пожалуй, так и сделаю. В Новый год. Чтобы за хлопками петард не слышали соседи. А Волна услышит, она такая. Обязательно услышит и прибежит. Я знаю.

Разум

Плодя чудовищ, разум спит,
Проснувшись, в игры он играет
Его, простите, забавляет
Субъект, в котором он сидит.

2011г.

КОЗЛАЙТИНГ (фельетон)

Примерно в двенадцать часов ночи наступила долгожданная суббота. Козлов-старший вылез из кровати и в одних трусах, крадучись, пошёл к холодильнику. После вчерашнего семейного скандала, закончившегося ничьей, хотелось пивасика. И подумать, что опять было не так. И чтобы в одиночестве.

Но одиночества не получилось. Впрочем, как и всегда. На маленькой, тесной кухне, слабо освещаемой уличным фонарём, сидели в интернете и столовались Козлов-малой, Козлов-мелкий и Козлова-жена. Все в спальных костюмах.

– Чего свет не зажигаете? – подозрительно спросил глава семейства и щёлкнул выключателем.

Жующие зажмурились. Мелкий тут же воспользовался моментом – схватил материн планшет и шустро уполз под стол, от греха подальше.

На прошлогодней газете, между остатками воблы, лежали неровные заветренные куски вчерашней колбасы. Козлов-старший криво поморщился, с тоской вспомнил маменькины пироги и неожиданно для себя ласково произнёс, сглатывая потёкшую слюну:

– А давайте приготовим что-нибудь дома-а-а-шненькое.

– Это вы про меня? – выглянул из-под стола Козлов-мелкий.

– Нет! – шикнул на него Козлов-малой и выразительно показал кулак.

Мелкий привычно спрятался.

– А давайте, а приготовим! – ехидно подхватила тему Козлова-жена.

Она хитро прищурилась, королевским жестом указала мужу на холодильник и певуче произнесла фразу из известного всем соцсетям анекдота:

– Вот ку-сок мя-са, пожарь!

– На всех, – бормотнул Козлов-малой, не отрывая глаз от смартфона.

Козлов-старший был интернетам не обучен, но от природы догадлив. Он всё понял. Но нарочно начал делать вид, что попался на удочку: быковато кивнул головой, брезгливо, двумя пальцами, вытащил из кучи грязной посуды сковородку и поставил её на газ. Затем, открыв холодильник, внимательно осмотрел все полки, почесал затылок, закрыл холодильник и хмуро спросил:

– Водка где?

Жена радостно потёрла сухие ладошки, сделала удивлённо-загадочное лицо и вкрадчиво спросила:

– Какая-токая водка? У тебя с головкой-то всё нормально?

– «С головкой»... – хмыкнул малой.

– Поговори мне! – взвизгнула в его сторону Козлова-мать.

– Ты из меня дурака-то не строй! – тем временем взвился Козлов-старший соколом, – ты только что сказала что?!

– И что?!

– Ты сказала: «Водку, сок и мясо пожарь сам!»

– Я говорила не так!

– А как?!

– Я сказала: «Вот кусок мяса, пожарь!» Мяса-а, мяса-а! «А» на конце, понимаешь?!

Умный человек бы догадался!

– А какая разница?

– Один скребёт, а другой драз-ни-ца!

– Дура!!!

– Это вы про меня? – вынырнул откуда-то снизу Козлов-мелкий.

– Нет!!! – заорали на него заведённые домочадцы.

Мелкий скрылся.

– Так во-от, – завыл на повышенных тонах Козлов-старший, – мясо вижу, сок есть, а водки нет! Как я её буду жарить, если её нет?! Как?!

– Жарь только сок и мясо, обойдёмся без водки, – подлил маслица в огонь малой, продолжая тыкать пальцами в мерцающий пластик. – И мам, хватит спаивать отца, он и так тупой...

– Поговори мне ещё! – в один голос заорали оба Козловы-старшие и отвесили малому смачный двойной подзатыльник. – Ты уроки сделал?!

– Каникулы! – огрызнулся тот.

– Это вы про меня? – высунулся откуда-то из угла мелкий.

– Нет!!! – заорали на него все.

Малой успел схватить со стола ложку и врезать мелкому по лбу. Мелкий исчез. И тут кухня разом наполнилась едким дымом. Козлов-малой вскочил, открыл форточку, включил камеру на смартфоне и начал вести прямую трансляцию происходящего в интернет.

– Сковородка! – завопила Козлова-жена, вскочила, потянулась за прихваткой, но опоздала, – Козлов-старший уже схватил покрасневший металл голой рукой и запрыгал на одной ноге, держась пальцами за мочку уха.

Раскалённая посуда, выпущенная из рук, покатила по полу, нашла Козлова-мелкого и прилипла к верхней части его ноги. Несчастный мелкий, не выпуская из рук планшета, выполз на середину кухни, начал кататься по полу и кричать:

– Это вы про меня?! Это вы про меня?!

– Да!!! – заорали Козловы-старшие и начали отлавливать мелкого, чтобы оторвать от него сковородку, облить холодной водой и намазать йодом.

Действовали впопыхах и без прихваток. От не успевшей остыть сковородки досталось всем.

– Ну, сколько можно среди ночи?! – заходились в крике соседи за стеной. – Мы сейчас милицию вызовем!

– Милиция в «совке» осталась, вызывайте полицию! – орали им в ответ Козловы.

– Уже десять тысяч просмотров! – заходилась от восторга малой.

Потом действительно были полицейские. Козлов-старший показал им задницу, не открывая двери, и они уехали. Приехала «скорая помощь». Мелкого, вцепившегося в планшет, увезли в больницу, и всё утихло.

Забинтованные и уставшие, Козловы прилегли отдохнуть. Дремать не получалось. Козлов-малой периодически выкрикивал растущую цифру просмотров и вслух читал комменты:

– Предки! Вам тут один фильмец посмотреть советуют!

– Что ещё за фильмец? – вяло поинтересовался глава семейства, сталкивая голову жены со своего обожжённого плеча.

– Ну, там... про газлайтинг. Короче, это смотреть надо. Пишут, что вам понравится.

– Ставь, может, отвлечёмся ... – Козлова-жена примерилась, хлопнулась затылком обратно на мужнин ожог и поёрзала.

Старший сморщился от боли, но стерпел. Потянулся за зажигалкой и, как бы нечаянно, облокотился локтем на её грудь. Она взвизгнула и с размаху дала кулаком по сигарете, которую её муж уже успел засунуть в рот. Поняв, что переборщила, Козлова-жена гаркнула во всё горло:

– Хватит курить при ребёнке!

К тому времени, как старший откашлялся, малой наладил фильм и приготовился снимать очередное видео из жизни своей семьи. А на экране, тем временем, начали показывать, как

муж пытается свести с ума жену: то передвигает вещички с места на место, то свет делает потемнее-поярче...

Козловы-старшие заржали как лошади на выгуле и стали громко комментировали происходящее.

– Во дура-ак! – кричал Козлов, тыкая пальцем себе в висок и трясясь от смеха, – Не так надо! Разве так сводят с ума? Эх, меня бы туда, я бы там разгулялся! Я бы ей показал, где раки зимуют!

– И эта курица, глянь на неё, пугается она, глаза пу-учит! – вторила мужу Козлова-жена. – Чего, спрашивается, страшного? Мне кажется, что она его просто дешёво троллит!

Когда фильм закончился, Козловы-старшие крепко поцеловались. И Козлова-жена, укусив мужа до крови, радостно воскликнула:

– Их газлайтингу до нашего козлайтинга как до Китая на карачках, правда, дорогой?

– Правда, любимая! – утерся тот рукавом. – Малой, спасибо тебе за фильм! Классная комедия! Давно так не смеялись!

Козлов-малой кивнул головой, закончил съёмку и выложил в интернет еще одно видео. Светало. Семья Козловых крепко спала. Количество просмотров перевалило за три миллиона. Где-то на небесах завистливо плакали Патрик, два Джона и один Вальтер – автор и сценаристы фильма «Газлайт».

Деревья

– Деревья, не гнитесь под тяжестью льда!
Не гнитесь, не падайте на провода!
Ведь тот, кто согнётся, пойдёт на распил
За то, что кого-то «тепла он лишил»!

Деревья молчали над кучей из дров
И делали вид, что не слышали слов.
Лишь маленький кустик мне пискнул: «Ответь,
Ведь их же срубили, чтоб руки погреть?»

ОСКОЛКИ (рассказ)

Старый дедушкин сервант вздрогнул как от испуга, качнулся, хрустнул передними ножками, сильно накренился и на мгновение завис. Громоздкие хрустальные вазы, похожие на короны, начали неохотно и вразнобой скатываться со своих насиженных мест и падать на пол, лопааясь на части и разлетаясь. С массивных стеклянных полок с устрашающим звоном посыпалось всё, что на них стояло. А следом и сами полки выехали вперёд, развалились на большие куски и упёрлись было в пол, подпирая шкаф, но не выдержали веса и сломались. Сервант обречённо и горестно крикнул как человек, осознавший перед смертью бессмысленность всей своей жизни, и рухнул на пол, «лицом» в битую посуду, осколки которой с новой силой брызнули по всей комнате.

Была мысль подбежать, поддержать и удержать. Была... Но инстинкт самосохранения всё же сработал, и я юркнула в сторону буквально за секунду до хрустального фейерверка. Воздух моментально наполнился сверкающей пылью, которая весело закружилась по всей квартире. На мгновение я окаменела, оглохла и ослепла.

Всё вдребезги, всё! И медведица с тремя медвежатами, подаренная дедушкой моей бабушке, и хрустальные лады для лада в доме, и разноцветные чешские фужеры, и фарфоровые фигурки, и чайные чашечки из свадебного сервиза, вазоны и вазочки, керамика, чайнички – всё.

В голове моей плавал густой и тяжёлый звон. Как будто бы били в набат. «Оживать» я начала только через несколько секунд. Первым включился слух. Телевизор сразу обрадовался и голосом Михаила Сергеевича нравоучительно мне сказал, глухо так, как из-под подушки: «...все мы с вами, товарищи, не научились ещё пользоваться обретенной свободой....»*

Я помотала головой, сделала пару сильных зевков, чтобы освободились заложенные уши, усмехнулась и ответила телевизору:

– Да я уж поняла! Учусь изо всей своей дурацкой мочи. К примеру, только что обрела свободу от собственной утвари. И выпустила на волю много опаснейших элементов, отбывавших наказание в монолитных классических формах. Сейчас немножко приду в себя и буду выгребать всё это за границы своей жилой площади старыми, пожелтевшими от времени средствами массовой информации. Больше нечем – совок-то сломался!

Телевизор обиженно заморгал и тут же перегорел. Он всегда так делает, когда не может меня в чём-то убедить. Ламповый, что с него взять...

– Да когда же это закончится?! Сколько можно издеваться?! – вдруг завопили из-за стены и застучали по батареям злобно и гулко.

– Представления не имею, когда всё это закончится и сколько можно издеваться, – тихо прошептала я в ответ. – Но вы должны быть терпеливы, мы в самом начале пути. Перестройка только начинается, а вы уже ноете. Так нельзя.

Чувства включались постепенно. По моей ноге что-то поползло. Муха, наверное. Я потянулась чтобы согнать её и вляпалась в кровь. Это была не муха – в ноге торчал довольно внушительный хрустальный осколок! И никого рядом... Господи, да чего же я стою? Надо же что-то делать, надо срочно спасти свою жизнь! И я рванула в ванную комнату за аптечкой. После лихорадочных манипуляций с пинцетом, перекисью и бинтами, выполненных трясущимися руками, я стала похожа на молодую, начинающую мумию. Доскакала на одной ноге до дивана, трусливо, двумя пальчиками, свернула и сбросила с него покрывало, усеянное стеклянным крошевом, устроилась на подушках и задрала раненную ногу на стену.

Нужно было как-то успокоиться. Искоса поглядывая на пол, который очень эффектно сверкал в лучах заходящего летнего солнца, я лежала и вспоминала, как все мои подружки в детстве делали «секретики». Брали осколок стекла, подкладывали под него фантик или золотинку от конфетки. И закапывали эту нехитрую конструкцию в землю. Неглубоко. А потом происходило таинство: осторожно, одним пальчиком, делали над закладкой ровную круглую ямку, добивались до стеклышка, сдували с него последние песчинки и сидели на корточках, разглядывали. И шептали: «Вот, смотри, что у меня есть! Только никому больше не говори, ладно?» «Секретик» можно было показывать только очень верным друзьям. А обладательница нескольких таких кладов считалась во дворе настоящей богатейкой. Потому что в то время осколки, валяющиеся на улице, были исключительной редкостью.

Все девчонки делали «секретики». Все, кроме меня. Потому что мою няньку, Лариску Архипову, очень ответственную соседскую девочку лет двенадцати, кто-то напугал тем, что её подопечная малявка может запросто найти и проглотить стекло. Мол, так уже в одном дворе было. Лариска испугалась. И как только её снова попросили за мной приглядеть, она схватила меня за плечи и очень подробно стала рассказывать, как именно осколок, до которого только пальцем дотронешься, залезает под кожу. «А потом будет в тебе ходить, ходить и как-нибудь дойдёт до самого сердца! И будет колоть, и будет очень и очень больно! Даже можно умереть!» – вещала Лариска, делая круглые страшные глаза.

Итак, я лежала на диване, вспоминала вот это вот «... даже можно умереть!» и решала, что я буду делать с внезапно свалившимся мне на голову «богатством». Почему-то представилось огромное переливающееся панно. А что? Было бы здорово наклеить все осколки на стену. Да вот, хотя бы сюда – между кухней и прихожей. Вечерами в них отражалось бы солнышко. Да и на память. Буду рассматривать и угадывать, от какой вазы или фигурки тот или иной кусок. И вспоминать всё, что связано с этой вещицей. Да, но для этого нужно будет собрать все стеклышки. И по крайней мере обточить их, чтобы они не были острыми.

«Острыми!» – по всему телу снова пробежали мурашки. Нет, я всё-таки переборю свой детский страх! Сделаю из них панно и посмеюсь сама над собой! И переборю, и сделаю! Сделаю-сделаю, да! ...Но не сейчас.

Тот вечер получился длинным. Перевязав покрепче рану на ноге, потя и трясясь от страха, я собрала и завернула все осколки в диванное покрывало и спрятала этот свёрток в кладовку. На потом. Сервант и разбитые полки пришлось выкинуть. Помог сосед, возвращающийся с работы. Генеральная уборка продлилась до полуночи.

Прошла неделя. Каждый вечер, укладываясь спать, я натыкалась взглядом на кладовку, из которой немым укором торчало свёрнутое покрывало. И вспоминала о панно. А ночами мне снились осколки, путешествующие по моему телу и протыкающие моё сердце.

Ещё через неделю я не выдержала пыток и пригласила дворника, который после непродолжительной торговли вынес покрывало с осколками вон из моих мыслей за тройку. Я вздохнула с явным облегчением и промыла всю кладовку холодной водой с уксусом. Как же я радовалась тому, что в моей квартире нет больше битого стекла!

Я тогда и не знала, насколько коварны осколки. Оказывается, их нельзя взять и просто так выбросить. Эти остались во мне навсегда. И затаились до поры до времени. Прошли годы, прежде чем первый из них добрался до моего сердца. Это был хвост от разбитого фарфорового зайчика.

В тот день, когда это случилось, я расслабленно сидела в кресле и краешком глаза поглядывала в телевизор. Показывали что-то из жизни лопухих. На экране мелькнул заячий хвост, и тут же в моей груди что-то сильно кольнуло.

– У меня же был фарфоровый зайчик, гладенький такой, мне моя бабушка подарила, где он?.. – забормотала я и сделала движение в сторону того места, где раньше стоял сервант.

«Боже мой, зайчик же погиб, когда все рухнуло! А ведь он был последним оставшимся „в живых“ из тех самых, сражающихся фарфоровых семеек!» – пронеслось в моей голове.

Волнами мыслей меня отбросило назад, в то время, когда мне только-только исполнилось шесть. Я жила у бабушки с дедушкой, которые воспитывали во мне чувство прекрасного приобретая дорогие игрушки, импортные наборы фарфоровых зверят. Одна семейка из папы, мамы и двух детишек стоила рубль с копейками. Там были и олени, и бегемоты, и киты, и медведи, и зайцы. Идея покупать ребенку миниатюрные произведения искусства принадлежала моей бабушке.

Делала она это на свою пенсию. День, когда должны были принести деньги, считался чуть ли не праздничным. Бабушка вставала очень рано, провожала дедушку на работу и бежала на рынок за молоком. А потом, пока я спала, тщательно и почти бесшумно прибиралась в квартире. Вешались чистые занавесочки, менялась скатёрка на столе. Но поверх скатёрки – обязательная клеёнка, очищенная моими руками от моих же каракуль обычными спичечными головками. Кстати, каракули были сделаны новомодной тогда шариковой ручкой. Ложились на свои места свежие половички, разноцветные китайские полотенчики, отглаженные салфеточки и всякие другие уютные тряпочки. Матово блестели и пахли мастикой паркетные полы, ещё со вчерашнего вечера натёртые вручную и доведённые затем «до ума» жутко воющим полотёром с серой треугольной головой. Я его боялась и затыкала уши. Ну, чистый дракон!

Итак, когда всё было готово к приёму работника почты, бабушка будила меня. Я вскакивала и бежала умываться. Затем выпивала кружку молока на завтрак, и мы начинали ждать, по очереди поглядывая на старинные механические часы, бьющие по своим струнам молоточками каждую четверть часа. Почтальонша могла прийти когда угодно. Поэтому мы никуда не отлучались. Наконец раздавался звонок в дверь, бабушка бежала открывать, и в квартиру влетала долгожданная гостья с брезентовой сумкой через плечо. Женщины быстро садились за стол. Доставались какие-то бумаги, ставились подписи, и считались деньги. Сорок один рубль шестьдесят копеек. И каждый раз повторялся один и тот же диалог. Почтальонша строго спрашивала бабушку:

– Дам сорок два рубля. У вас сдача будет? Сорок копеек у вас есть?

А бабушка, даже не заглянув в свой кошелёк, взволнованным голосом ей отвечала:

– Да не сообразилась я как-то опять... Каждый раз все забываю и забываю, голова-то дурная уже, старая. Давайте без мелочи.

– В следующий раз обязательно мне напомните, я отдам. И имейте размен.

Но в следующий раз вся история с отсутствующей сдачей повторялась как под копирку. Как будто бы это была игра для взрослых, с очень строгими правилами.

Довольная почтальонша вылетала из квартиры, а бабушка ещё раз пересчитывала деньги, прятала большую их часть в комод под полотенца и говорила мне:

– Вот они, трудодни-то колхозные, сказались: сорок один рупь. Палочки на стене коровника рисовали. День отработала – палочка. Вот и пенсия такая.

После этого бабушка собиралась и уходила. Я знала, что она принесёт сегодня в дом: обязательную пачку соли, кусок хозяйственного мыла и, возможно, очередную белую коробочку, которую она достанет из сумки почти с порога, даже не сняв пальто. Я подбегала, целовала ее в щеку и спрашивала:

– А кто там, бабушка?

– А ты открой и посмотри. Только осторожнее, не разбей. Береги, это настоящий фарфор. Будет тебе память о бабушке.

– Я не разобью, я знаю, осколки могут залезть под кожу! Даже можно умереть! – деловито отвечала я и бежала скорее в комнату.

Ставила коробочку на стол, развязывала тугой узел бумажной бечёвки неловкими детскими пальчиками, открывала крышечку – и ах! – доставала завёрнутые в бумажки фигурки новых зверушек.

Как же я им радовалась! Все они были беленькие, но разные: и матовые – тёплые, и шершавые, и блестящие – прохладные, и просто гладкие. Я могла часами разглядывать их нарисованные золотом или синью глазки и ушки. Выпускала их гулять в волшебный лес, состоящий из трёх маленьких пластмассовых ёлочек. Я кормила их из тарелочек, сделанных из фольги разноцветных молочных крышечек. Я рисовала для своих фарфоровых друзей моря и дворцы на грубых, ворсистых альбомных листах... Так пролетело почти полгода. Я думала, что это будет длиться всегда. Но вскоре произошло событие, которое разрушило этот нежный и чистый сказочный мир.

В тот день к нам из Ленинграда приехал фронтовик Ваня. Дедушка встретил своего родного брата очень тепло, но почти сразу ушёл на работу, в ночную смену. Так толком и не поговорили, чуть посидели за столом, обнявшись, и тут же расстались. А бабушка проводила мужа и осталась с гостем, чтобы вспомнить «те годы» и поведать о том, как было голодно и холодно:

– Да почти как в Финскую и было, когда Фёдор погиб, мой первый муж, отец моей старшей дочери.

Потом рассказывала, как они ждали каждой сводки и, затаив дыхание, слушали Левитана, у которого был богатырский голос. Как еле дождалась Победы. Как в сорок пятом же году родилась «вон, ее мать». Как в сорок седьмом, зимой, их обокрали и вынесли из тесной барачной комнатёнки буквально всё, вплоть до ящика с обувью.

– А я чего, – вздыхала бабушка, – зашла, все поняла. Как не понять, когда пусто. «Ах, ах» – и в роддом.

И поэтому сынок родился недоношенным и слабым. Он умирал, а врачи советовали не кормить мальчика грудью. Она не поверила. И понесла малыша к медицинскому светиле. В тот день было очень холодно, несла его в отрезанном от старого полушубка рукаве. Отдала профессору припрятанную на черный день золотую «николашку». И все для того, чтобы услышать то, что она и безо всяких профессоров знала. Что материнское молоко – это спасение для ребенка.

– Шла обратно, уж ругала себя, ругала. А что толку? Своими руками отдала деньги, не вернешь. Выжил мой мальчик, слава тебе господи. Молоком его кормила, молоком же ему и в нос, и в глаза прыскала...

Дед Ваня молчал.

А я возилась под столом со своими игрушками и делала вид, что ничего не слышу. Потому что на самом деле это был не стол, а самая настоящая сказочная пещера. Самая надежная из всех пещер. И в ней можно было прятаться от злых фашистских колдунов, чтобы потом выбегать и помогать добрым партизанским волшебникам.

Бабушка устала вспоминать и замолчала. И тогда заговорил дед Ваня. Он начал рассказывать о своём первом бое без предисловий, срывающимся на фальцет голосом:

– Понимаешь, Денисовна, только мы пошли, ещё и «ура!» не успели крикнуть, а тут снаряд визжит – сссззждых! – и прямо в ротового! И на куски его! А он перед самым боем хорохорился, что его ни пуля, ни штык не берут. Он же опытный уже был, участвовал уже. Финскую прошел. Мы же к нему как к отцу... мы же на него перед этим боем молиться готовы были, понимаешь ты? Как на икону молиться! А он – раз! – и весь на кусочки... На наших глазах!

– Тщи ты, ребёнок же ... – прошептала бабушка, заглядывая ко мне под стол.

Дед Ваня тоже приподнял скатерть, посмотрел на меня и попытался успокоить бабушку:

– Да играет. Она все равно ничего не поймет. Да и слава богу, что так. Дети наши пусть другими интересами живут. А мы... Мы уже свое отжили. Я же и говорить больше ни о чем

не могу, кроме как об этом. Не могу, и всё. Ты уж меня прости, у меня в голове только про войну и вертится. Ведь сколько же погибло людей. И простых, и сложных. Да что там ротный! Не от таких летели ключья!.. А нам что делать было? На меня ошмётком ротного упал, я и побёг как заяц. А за мной – остальные. Всё оружие побросали и побёгли. Другие – в бой, а мы – в кусты...

Мне стало до слёз жаль деда Ваню. Я вылезла из своего укрытия, подползла к нему, потянула снизу за брючину и сочувственно спросила:

– Страшно тебе было, деда?

– Очень страшно, – ответил он, весь как-то сгорбился, затрясся и стыдливо закрыл тёмными грубыми ладонями морщинистое лицо.

И так мне вдруг захотелось, чтобы он победил в своем первом бою и больше никогда не плакал... всё равно как дышать! Я судорожно всхлипнула, быстро нырнула под стол, собрала своих фарфоровых зверушек, завернула их в платок и шепнула им, что нужно срочно спасти одного доброго человека. Выползла с этим узелком и расставила игрушки у всех на виду стройными рядами.

– Что это у тебя? – спросил дед, сполз со стула и сел рядом со мною, поспешно утирая слёзы.

Бабушка засуетилась:

– Иван, ну что ты в самом деле на пол-то, как ребёнок...

Тот махнул на неё рукой:

– Да погодь! Не видишь что ли? У нас тут интересное намечается.

Я нервно вздохнула, настроилась и начала говорить, показывая руками:

– Деда, это фашистское войско. Смотри, оно уже идёт на тебя войной, защищайся скорее! Ты обязательно должен их победить! Слушай, они уже бьют в барабаны! Трын-ды-ды-дын, трын-ды-ды-дын!

И началась странная игра.

– Смотри! – кричала я деду. – Вот они, они уже близко!

А он, сидя рядом со мной на полу и утирая слёзы, с криком «А мы их сейчас вот так!» – смахивал фарфоровые фигурки обеими руками в сторону. И в голосе его звучало всё то, что не прозвучало тогда, в его первом бою: и «За Родину!», и «Ура!»

Игрушки бились насмерть. Я, заходясь от безумного страха, убирала острые осколки в платок прямо руками, выстраивала оставшихся фарфорики в строй, и всё начиналось заново: игрушечные враги наступали, а наш воин побеждал их снова и снова. До тех пор, пока не разбил их в пух и прах. Целым остался лишь один маленький зайчик. С ним дед отказался сражаться и приказал ему уходить и передать там всем, чтобы на нашу страну никто и никогда больше не нападал.

Бабушка смотрела на нас каким-то пронзительно-странным понимающим взглядом. И не прерывала игру.

На следующий день дед Ваня уехал обратно в Ленинград. А через неделю он пошёл на почту и разослал всем своим братьям и сёстрам телеграммы, чтобы приезжали на его похороны. Вздволенные родственники звонили ему целый день, убеждались в том, что он жив, и ругали его за плохую шутку. Переговорив со всеми, дед Ваня лёг в кровать и умер. Так к нему никто и не приехал.

Тот последний фарфоровый зайчик остался мне на память. И погиб, когда упал дедушкин сервант...

Да, напрасно я думала, что навсегда избавилась от осколков, когда выбросила свёрток с разбитыми сувенирами. Все они остались во мне. И колют, колют... Права была Лариска Архипова, когда говорила, что любой осколок, до которого дотронешься хоть пальцем, не заме-

тишь как, но обязательно залезет к тебе под кожу и будет в тебе ходить, ходить и когда-нибудь обязательно дойдёт до самого сердца! Ох, как права.

— — — — —

*Из выступления М.С.Горбачева на XXVIII съезде КПСС (10 июля 1990 года).

Портрет

Засохшею кистью весёлый художник
Портрет рисовал на доске.
Возникнувший ангел воскликнул: «О, Боже!»
И умер в ужасной тоске.

КАНИСТРА (фельетон)

Жил-был и работал в сельскохозяйственном комбайне один очень хороший, пламенный мотор. А тут, как на грех, приехал в колхоз какой-то мелкий чиновник и захотел наглядно доказать, что работать деревенским механиком очень даже легко и просто. Взял в руки первую попавшуюся канистру и прямо на глазах у изумленной публики плеснул из канистры в комбайн. Заметьте, в единственный комбайн. Во все дыры залил, в нужные и ненужные. Михеич, которому давным-давно было сказано эту канистру утилизировать, аж в штаны подпустил. А повариха Люська всхлипнула: «Непутевый!» При этих словах председателя колхоза чуть не хватил кондрашка, и он упал на руки своей секретарши. Ну как кто-то может быть непутевым в колхозе под названием «Верный путь»?

А пламенный мотор чихнул, стуканул и заглох. Всё, капут.

Как она попала в гараж, эта канистра, никто не помнил. Канистра была красивая. С какой-то иностранной надписью даже. Вот и стояла в гараже на самом видном месте. Украшала. А так-то гаражный люд в нее всякие осколки собирал, металлическую стружку. Кто-то харкнул на днях. Кто по-маленькому не добежал, кто по-большому – всё туда. Повариха Люська вчерась слила в нее третьё масло из-под блинов. А тракторист Петруха прямо перед приездом чиновника долил канистру доверху отработкой.

Надо было выбросить, надо. Но уж больно красивая, шука. Жалко.

Чиновник ничего не заметил и уехал довольным. Отчитался, небось, что сельское хозяйство поднял. И по карьерной лестнице, небось, взлетел. Этого никто теперь не узнает. Значит, и нечего рассуждать. Повариху Люську уволили. Сразу же после прощального банкета, разумеется. Ибо, нефиг на рабочем месте жрать блины. На рабочем месте надо работать. Михеича тоже хотели «уйти на пенсию». Но как раз в тот момент, когда это решение созревало, председателю позвонил тот самый чиновник с проверкой. И спросил, как там его собственноручно починенный комбайн. Председатель, держа одной рукой телефонную трубку, второй – схватил проходившего мимо Михеича и злобным шепотом приказал изображать звук пламенного мотора. Что Михеич, обладавший изумительным басом и большими щеками, с удовольствием и исполнил. И его оставили. Виноват – отработывай. Правда, оформили всего на полставки. Потому что чиновник звонил довольно редко. Впоследствии председатель хотел заменить Михеича на молодого специалиста Ваську, своего племянша. И даже один раз дал Ваське порычать и потрясти щеками в телефонную трубку. Но ушлый чинуша сразу же распознал подмену и спросил, почему пламенный мотор работает вполсилы и неровно.

Вот и вся история. Ах, нет, не вся. Повариха Люська пыталась устроиться обратно. Приходила в кадры, кукарекала, мычала, квохтала, бляяла. Не взяли. За неактуальностью. Ещё по всему колхозу было объявлено, что слово «непутевый» запрещено к употреблению в общественных местах. Ах, да! И конечно же, утилизировали ту самую канистру. Михеич плакал. Красивая же, шука. Жалко.

Медведица

Я заснувшая, я медведица,
Не хочу гулять в гололедицу,
Сплю и вижу сон: песню в унисон
Птицы разные стали разом петь.
Запою и я, как поёт медведь.

СОБАКА ЛИЗА (рассказ)

Было это очень давно. Так давно, что время это никто уже и не помнит, а записи какие, если кто и вёл, – так те записи давно уж истлели, как и кости самих писавших. Так вот, именно тогда, поздним летом, по дороге, ведущей из Калужской губернии в Москву, шёл молодой крестьянин. Был он ростом мал, худ и измождён трудной дорогой. Одежда на нём была справная, но слегка потрёпанная временем, что говорило о его былой зажиточности. Чёрные кудри, буйно торчащие из-под головного убора, выдавали в нём человека весёлого нрава, а в остром взгляде тёмно-зелёных близко посаженных глаз сквозили быстрый ум и целеустремлённость. Звали юношу Константином.

Родовое гнездо своё наш путник покинул по причине полного уничтожения такового вследствие событий чисто политических, на которых мы пока не будем заострять внимание читателя, и направлялся он в большой город, чтобы жить, трудиться и учиться, если на то будет воля Божия.

Время шло к вечеру, погода начала портиться, и на дорогу, которая привела нашего путника в лес, упали первые крупные капли дождя, пахнувшего ранней осенью и грибами. Юноша ускорил шаги, но усиливающийся дождь и сгущающаяся тьма застили путь, быстро заполняя собой окружающее пространство.

Дело его величества случая! Если бы Константин не потерял один сапог, который был захвачен топкой грязью, да не обернулся за ним именно в тот момент, когда сверкнула молния, то так и не заметил бы заброшенную, разорённую усадьбу, представшую перед его глазами лишь на миг. Вытащив свою обувь из вязкого месива, молодой человек, творя молитвы, бросился скорее к парадному крыльцу, чтобы укрыться от грозы, всё набирающей силу, и устроиться в доме на ночлег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.